

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15662

EDN: IFZPDV

«Белые одежды» В. Дудинцева как пасхальный роман

О. С. Шурупова

*Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского;*

*Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Липецк, Российская Федерация)*

e-mail: shurupova2011@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено раскрытию философско-религиозных основ романа В. Дудинцева «Белые одежды», в котором получил проявление пасхальный архетип русской литературы. В тексте романа реализована триада «Закон — Беззаконие — Благодать». Герои текста, прежде всего ученый Федор Иванович Дежкин, совершают движение от ветхозаветного Адама к искупленному страданиями и воскресением Христа человеку. В романе показано, как покорное и доскональное исполнение законнических установок, соотносимое как с ветхозаветными образами, так и с образом Великого инквизитора, явно указывающим на связь произведения В. Дудинцева с романом Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», может привести к погружению в Беззаконие, заставляющее человека отказаться даже от кровных связей. В результате насаждающий исполнение Закона человек начинает воображать себя познавшим добро и зло богом, который вправе распоряжаться судьбами других. Для демонстрации развития человеческой души от законнического состояния к благодатному В. Дудинцев использует многочисленные библейские образы (первый человек Адам, Авраам, царь Давид, Юдифь, поражающая Олоферна), цитаты из Нового Завета, аллюзии на слова Христа о смысле Его Пасхальной жертвы за людей. Подлинное познание добра происходит только через смиренную готовность пожертвовать собой, поскольку добро, по мысли В. Дудинцева, есть страдание, плодом которого становится настоящее счастье, недоступное для тех, кто стремится лишь к собственному благу. В эпилоге романа получает воплощение пасхальное мировосприятие: жертва за других позволяет достичь Благодати и, в конечном итоге, победить смерть.

Ключевые слова: В. Дудинцев, Белые одежды, поэтика, пасхальность, Закон, Беззаконие, Благодать, добро, зло, библейские образы, жертва, смерть, воскресение

Для цитирования: Шурупова О. С. «Белые одежды» В. Дудинцева как пасхальный роман // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 3. С. 264–283. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15662. EDN: IFZPDV

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15662

EDN: IFZPDV

“White Garments” by V. Dudintsev as an Easter Novel

Olga S. Shurupova

*Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky;
Lipetsk Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Lipetsk, Russian Federation)*

e-mail: shurupova2011@mail.ru

Abstract. The research aims to reveal the philosophical and religious foundations of V. Dudintsev’s novel “White Garments,” which manifests the Easter archetype of Russian literature. The triad “Law — Iniquity — Grace” is implemented in the text of the novel. Its characters, primarily the scientist Fyodor Ivanovich Dezhkin, advance from the Old Testament Adam to a man redeemed by the sufferings and resurrection of Christ. The novel shows how the submissive and thorough execution of legalistic attitudes, correlated with both Old Testament images and the image of the grand Inquisitor, which clearly indicates the connection of V. Dudintsev’s work with F. M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov,” can lead to a descent into Lawlessness, forcing a person to abandon even blood ties. As a result, a person who enforces the Law begins to imagine himself as a god who knows good and evil and has the right to control the destinies of others. To demonstrate the development of the human soul from a legalistic state to a state of grace, V. Dudintsev uses numerous biblical images (the first man Adam, Abraham, King David, Judith, striking Holofernes), quotations from the New Testament, allusions to the words of Christ about the meaning of His Easter sacrifice for people. The true knowledge of goodness occurs only through a humble willingness to sacrifice oneself, since, according to V. Dudintsev, good is suffering, the fruit of which is true happiness, inaccessible to those who strive only for their own good. In the epilogue of the novel, the Easter worldview is embodied: sacrifice for others allows you to achieve Grace and, ultimately, overcome death.

Keywords: V. Dudintsev, White Garments, poetics, Paschal’nost’, Easter archetype, Law, Lawlessness, Grace, good, evil, biblical images, sacrifice, death, resurrection

For citation: Shurupova O. S. “White Garments” by V. Dudintsev as an Easter Novel. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 3, pp. 264–283. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15662. EDN: IFZPDV

Исследуя русскую литературу, И. А. Есаулов пришел к выводу о существовании в ней особых архетипов, под которыми ученый понимает «трансисторические коллективные представления, которые формируются и обретают определенность в том или ином типе культуры» [Есаулов, 2017: 19]. Ключевым для русской культуры и словесности исследователь считает пасхальный архетип, который проявляется в акцентировании в произведениях отечественной литературы особой жертвенности и надежд не на земное, а на небесное воздаяние. Этот архетип в полной мере проявляет себя и в ряде произведений, созданных в XX в., который Г. Гачев назвал «эпохой великих "географических" открытий в психике людей» [Гачев: 683] и в котором вектор советской литературы был задан представлениями, отнюдь не связанными с православным миропониманием. В это время, однако, появляется роман В. Дудинцева «Белые одежды», название которого отсылает читателя к эпизоду «Откровения» Иоанна Богослова.

Роман В. Дудинцева «Белые одежды» несколько реже, чем многие другие произведения, созданные в XX в., подвергался серьезному научному исследованию. В посвященных ему работах отечественных ученых, как правило, исследуются его языковые особенности [Аракчаа], [Астафьева], [Синелева]. Е. А. Иваньшина и Э. Э. Пригункова обращаются к изучению хронотопа романа [Иваньшина, Пригункова]. Предприняты попытки описать его интертекстуальные пласты [Старцева]. В работах ряда ученых присутствует анализ христианской основы романа [Кудрявцева, 2020], [Лихварь]. Однако большая часть посвященных роману работ либо являются исследованиями студентов [Изотов], [Кудрявцева, 2022], [Лихварь], либо созданы сравнительно давно [Астафьева], [Долгополова]. За последние годы появлялись только очень немногочисленные исследования, посвященные этому роману. Между тем произведение В. Дудинцева представляет собой яркий пример пасхального романа. В данной статье рассмотрим, как в романе проявляется важнейший для русской культуры архетип пасхальности и связанные с ним категории Закона и Благодати.

Тема Закона впервые звучит уже в первой главе, когда в институтском парке появляется пока еще безымянный

«человек в ковбойке»¹, которого обсуждают, не зная, что проверяющий из Москвы стал их невольным слушателем. Сотрудники института называют его Торквемадой, великим испанским инквизитором. Так, еще не зная имени главного героя романа, читатель уже может соотнести его с персонажем поэмы «Великий инквизитор», сочиненной Иваном Карамазовым. Ф. М. Достоевский описывает, как явившийся в пятнадцатом веке Христос, возжелавший «посетить детей своих» [Достоевский; т. 14: 226], встречается на Земле с Великим инквизитором, который заявляет, что счастливым человечество сделают лишь отказ от свободы и соединение в «общий и согласный муравейник» [Достоевский; т. 14: 235]. Именно таким инквизитором, готовым силой принуждать людей к единому и заранее определенному для них образу мыслей, представляется героям романа В. Дудинцева Федор Дежкин, приехавший инспектировать Сельскохозяйственный институт, то есть представлять Закон, утвержденный на августовской сессии Академии наук.

В открывающем историю русской литературы «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, произнесенном им как пасхальная проповедь, безблагодатный Закон отождествлен с Ветхим Заветом, отмененным Благодатью после Воскресения Христова. Интересно, что персонажи романа В. Дудинцева, несмотря на то что являются советскими учеными, то есть, как предполагается, знатоками марксизма и материалистами, и делают выбор между верой и знанием в пользу знания, много цитируют именно Ветхий Завет, как бы вернувшись в состояние до искупительной жертвы Христа, на предыдущую ступень истории человечества, забывшего о Благодати. С героями романа, к сожалению, произошло то, что И. А. Есаулов в работе «Человек-вещь и христианское сознание» описывает как «овнешнение» и возвращение к «одномерному дохристианскому состоянию» [Есаулов, 2015: 453].

Так, обсуждая на кафедре предстоящую проверку, один из персонажей романа цитирует слова из Книги Бытия:

¹ Дудинцев В. Д. Белые одежды. М.: Книжная палата, 1988. С. 15. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

«Станете яко боги — будете ведать добро и зло» (38). «Это змий сказал, надо не забывать» (38), — заявляет другой ученый.

Такое обещание дал Еве змей-искуситель, побуждая ее вкусить запретный плод и нарушить данное Богом установление. Изучающий жизнь биолог Дежкин, приехавший утверждать Закон, одновременно претендует на открытие универсального ключа к пониманию добра и зла, то есть на то, чтобы «быть как боги» и отменить Закон. Ему действительно предстоит применить свой ключ на практике и, пройдя через страшное искушение, достичь духовного роста.

В начальных главах романа он напоминает человека в начале бытия, еще пребывающего в ярком, многоцветном Эдеме и воспринимающего мир как абсолютно новый, чудесный, многообещающий. Интересно, что в первой главе долгое время не сообщается его имя, и Федор именуется просто «человек», как библейский Адам. Символична и сцена, в которой Федор Дежкин и Лена Блажко озвучивают названия попадающихся им на пути растений: «потентилла торментилла», «плантаго майор», «румекс ацетозелла» (69–71). Это тоже напоминает ветхозаветный эпизод, в котором Адам с позволения Бога, подарившему человеку возможность изучать мир, дает имена всем животным и растениям. Человек, в обществе своей спутницы, счастлив и безмятежен, он изучает окружающий многообразный мир, в котором занимает определенное ему Богом место, и еще не знает о готовящемся дьявольском искушении.

Искушение это придет именно со стороны того, кого Федор считает отцом и кто тоже очень активно цитирует именно Ветхий Завет. Так, в одном из эпизодов романа академик Рядно заявляет Дежкину:

«Библия говорит: учи сына жезлом...» (202).

Он цитирует Книгу Притчей Соломоновых, в которой приводятся суждения, объединенные темой мудрости и ее значения в житейском обиходе. Мудрый не в небесном, а именно в земном плане Касьян Рядно излагает преданному ученику, которого обещает сделать наследником, то, что считает основами жизни:

«Карьеризм, Федя, свойство всей мыслящей материи. У одного карьеризм — в приобретении вещей. А у ученого... <...> Ученый приобретает умы» (202).

Позже он будет советовать Федору жениться и начать интересоваться тем, «чем нормальный человек <...> начинает интересоваться» (450). Если не всегда проявляющий покорность ученик позволит академику окончательно приобрести свой ум, то получит от него материальные блага и сможет безмятежно наслаждаться ими.

Но перед кем или чем должен смириться Федор? Согласно замыслу Рядно, лишь перед своим учителем. Себя академик, претендующий на окончательное знание о природе, сопоставляет с Богом:

«Бог знает, как проверить человека. Читал Библию? Как он Авраама проверял... Зарежь мне в жертву сынка родного, тогда поверю, что ты меня любишь. Авраам был верен, не то, что ты...» (540).

Чтобы вернуть расположение академика, Федор должен символически согласиться на принесение в жертву того, что ему дорого, а учителя символически признать Богом, имеющим право требовать этой жертвы. В первом откровенном разговоре с Дежкиным Стригалева, в сущности, упрекает его именно в обожествлении Рядно:

«У вашего бога руки не такие, чтобы картошку даже с готовым полиплоидом скрестить» (150).

В этом контексте приобретение ума созвучно с приобретением души, которую Федор должен отдать учителю.

По словам Ю. М. Лотмана, исследовавшего поведение бинарных оппозиций в смысловой организации культурного пространства, «двойственность <...> снимается высшим единством, образуя в целом образ тройственности как высшей полноты» [Лотман: 60]. На всех уровнях культуры прослеживается принцип тернарности, который «в структурном отношении универсален» [Лотман: 60]. Бинарная оппозиция «Закон/Благодать» сменяется в пространстве романа триадой «Закон — Беззаконие — Благодать». Суровое соблюдение Закона, предписываемого академиком, дирекцией института, партией и так

далее, приводит к Беззаконию, когда отказ от Благодати, не вмещающейся в прежнюю систему права, приводит не к возвращению к праву, а к нарушению любых моральных установок вообще. Настоящие, преданные науке ученые гибнут, потому что в погоне за земными наслаждениями и возможностями приобретать умы и властвовать над людьми академик и подобные ему люди не останавливаются ни перед чем. Как заявляет ошеломленному Федору Дежкину генерал Ассикритов, человек должен не искать истину, а «ошибаться вместе со всеми» (518). Люди, подобные Рядно и Ассикритову, готовы не только «зарезать сынка», но устранить истину, которая «стоит на пути» (518), и делают это не как Авраам, не по Божьему повелению, а исключительно из эгоистических соображений, которые прикрывают заботой о советском обществе. Такие люди любят ощущать себя богами, как «никелевый бог»:

«...что говорит глава направления, никелевый бог, — то и истина» (86).

Поведение таких, как Рядно, полностью согласуется с размышлениями великого инквизитора:

«Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились <...> над ними господствовать» [Достоевский; т. 14: 231].

Воплощением Беззакония становится в романе Ким Краснов, предавший отца и отказавшийся даже от своего настоящего имени (Прохор Бревешков) в угоду новой власти. Именно он обманом внедряется в круг настоящих ученых и предает их:

«— Надо же, отрекся от отца! <...> Что же ты такое, если не понимаешь, какая это вещь — кровная связь отца с сыном!» (421).

В образе этого человека, для которого нет ничего святого, овнешнение, потеря души достигают своего логического финала. Сменив данное отцом имя на новое, Ким совершает всё новые преступления, не останавливаясь ни перед чем. Если Закон требует, как указывает Рядно, пожертвовать сыном, чтобы соблюсти установленное, то Беззаконие зовет принести в жертву любое, что мешает преуспеянию, в том числе даже

признанные Законом родственные связи. Отец преданного Красновым мальчика Саши говорит ему:

«Зверь ты, волк. <...> ...бабушка твоя гуляла с сатаной» (1: 420).

Беззаконие действительно сближает человека со зверем и с бесом. Об этом говорит и великий инквизитор Ивана Карамазова, предлагающий разрешить жалкому, незаконному человеку грех и тем поработить его.

По замечанию А. В. Лихваря, функция включения в роман В. Дудинцева библейского текста «заключается в демонстрации неизменности нравственных законов человечества на протяжении истории» [Лихварь: 101]. Эта идея не раз проговаривается Дежкиным:

«С самого начала начал — три тысячи лет назад в самых первых законах был уже записан злой умысел. <...> И этот злой умысел так и переходит без изменений из столетия в столетие, из закона в закон» (1: 168; здесь и далее курсив в цитатах мой. — О. Ш.).

Дежкин, настаивавший в начале романа на соблюдении Закона, постепенно приходит к пониманию противоречивой связи Закона и Беззакония.

Сущность происходящего в романе раскрывается автором с помощью неоднократно упоминаемой картины итальянского живописца Антонелло де Мессина «Святой Себастьян»: «Всех современников и всех потомков, и нас с тобой нарисовал» (164), — говорит о художнике Туманова, героиня романа, в доме которой Федор впервые и замечает эту картину. Ее больше всего возмущает, что большинству людей, изображенных на картине и поглощенных своим бытом, «до лампочки» (165), что перед ними страдает и умирает невинный человек. Изображенным на картине язычникам представляется, что они «владеют конечным знанием» (165), и их свирепое следование букве принятого ими Закона порождает кровавое Беззаконие.

Как отмечает А. А. Кудрявцева, сюжет картины «очень точно соотносится со взаимоотношениями Кассиана Дамиановича и Федора Ивановича. Ведь первый, будучи убежденным приверженцем "лысенковского" направления в биологии, был уверен в твердости убеждений своего "сынка". Федор Иванович,

перейдя во вражеский стан вейсманистов-морганистов, не спешит обличать свои воззрения перед покровителем, так как он убежден, что для осуществления войны, добру придется маскироваться под зло» [Кудрявцева, 2020]. Туманова отмечает, что видит на картине всех участников истории, кроме самого Федора, и говорит, что он присутствует там «не иначе, как в шапке-невидимке» (394). В первых главах романа он и не мог появиться на ней, но на протяжении текста, пройдя путь от ветхозаветного Адама до гонимого, Федор обретает на картине свое место. В первой половине произведения он сопоставляется с новыми и новыми героями Ветхого Завета, как бы двигаясь по пути к Новому Завету. Так, проводя ревизию в теплицах, он ощущает вину за то, что может причинить людям боль, и мысленно сопоставляет себя с «кротким царем-псалмопевцем Давидом, который возжелал Вирсавию и потому послал ее мужа Урию в самое пекло войны, чтобы его там убили» (62). Важно, что он постепенно начинает осознавать присутствие Беззакония, которое удобно прячется за законническими установками. Кроме того, Дежкин, еще накануне провозглашавший материалистический принцип неверия ни в судьбу, ни во что другое, с досадой осознает:

«Удивительно <...>, что ни случится в жизни, какая ни сложится ситуация — ищи в Библии ее вариант. И найдешь!» (62).

Впоследствии, в беседе с настоящим ученым Иваном Ильичем Стригальевым, которого и преследует Рядно, пытаюсь отнять у него созданные им сорта картофеля, а самого ученого обречь на гибель в тюрьме, Федор Дежкин сопоставляется с другим библейским персонажем. Стригальев, рассказавший ему о темной сущности Рядно, предлагает Дежкину «подарить» «Библии еще один сюжет. Вроде Юдифи с Олоферном» (190). Федор Дежкин начинает вести с Рядно игру, как Юдифь, притворяясь его сторонником и преданным учеником, чтобы поразить злодея в неожиданный момент. Эта маскировка и делает его присутствие в сюжете о мучениях за Христа и истину сначала незаметным. Однако впоследствии Федора замечают:

«Сначала Федора Ивановича не видел никто, а потом увидели вдруг все бесы» (487).

Он получает возможность окончательно сделать выбор между Беззаконием, маскирующимся под Закон, и Благодатью и совершает путь от соблазненного Адама до ученика Христа.

Хотя в романе много отсылок именно к Ветхому Завету, объясняющихся художественным исследованием сущности Закона, Новый Завет, связанный с пасхальностью как ключевым архетипом романа, присутствует в тексте с самого начала. Его суть — искупительная жертва Христа, отдавшего себя для спасения людей. Суд над Христом, распятие, крестные страдания как бы совершаются снова. Сначала Федор Дежкин является всего лишь их свидетелем. Так, он сравнивает Анжелу Шамкову, предающую своего учителя Стригалева и заставляющую студентов подписывать отказ от его лекций, с фарисеями, которые «возлагают на людей бремена тяжелые и неудобноносимые... Сами же пальцем не двинут...» (134). А. В. Лихварь справедливо замечает, что «как соединение разных срезов языка в цитатах, так и передача их в более свободной, афористичной форме призваны продемонстрировать единство понимания добра и зла для людей всех времен» [Лихварь: 101]. Не совсем точно цитируя Евангелие и смешивая церковнославянские и русские слова, Федор Дежкин, сам того не осознавая, актуализирует давно прошедшие события, ведь смерть за Истину снова происходит практически на его глазах. Слова С. А. Мартыановой о поэтике еще одного произведения XX в. — повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» — можно отнести и к роману В. И. Дудинцева: «Библейская мудрость открывается героям как "наиреальнейшая реальность"» [Мартыанова: 333].

Е. А. Иванышина и Э. Э. Пригункова, исследуя хронотоп романа, делают вывод, что «Дежкину предстоит выяснить, кто он — трус или смельчак, Инквизитор или Учитель...» [Иванышина, Пригункова: 129]. Действительно, один из героев романа, Борис Николаевич Порай, который предупреждает Дежкина о том, что тем заинтересовались и что он не сразу поведал об этом «страха ради иудейска» (409), называет его Учителем. Казалось бы, это прозвище, используемое атеистом XX в., носит несколько

кошунственный характер, ведь обычного человека не следует называть так, как звали Христа. С другой стороны, это прозвище вновь отсылает нас к Евангелию и подсказывает, что события двухтысячелетней давности вновь происходят с людьми, размышляющими о Добре и Зле. Дежкин сознательно отказывается от роли инквизитора, готового убить самого Христа во имя придуманного им счастья людей, и выбирает роль Учителя, готового принять за тех же людей страдание. Закон толкает на преступление — Благодать же заставляет жертвовать собой. Закон возлагает неудобноносимые бремена на других — Благодать, напротив, являет собой готовность самому нести эти бремена ради ближнего.

Тема страданий неоднократно поднимается в романе. Еще в его начале Федор Дежкин рассказывает об открытом им ключе Добра и Зла:

«Добро — страдание. Иногда труднопереносимое» (51).

Туманова в шутку велит Федору подготовиться к страданию, и ее слова сбываются. Он будет страдать, совершая духовное восхождение от состояния законнического следования затверженным правилам до состояния благодатного выбора положить душу за други своя.

На этот духовный рост указывает Евангельская притча, упомянутая Стригальевым, который становится в романе настоящим «Учителем», ведя Дежкина за собой к научной истине:

«Посадил зерно — должно прорасти. И действительно, растет» (120).

На связь этих слов с рассказом Христа обращает внимание К. А. Старцева: «Он уверен, что зерно науки может упасть только на благодатную почву (аллюзия на Христа как Сына Человеческого, "сеющего доброе семя") (Мф. 13, 37)» [Старцева: 105]. Однако нам представляется, что слова Стригалева в большей степени связаны со словами Христа о зерне:

«Аминь, аминь, глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит» (Ин. 12:24)².

² Новый Завет. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. С. 289.

Эти слова предвещают добровольную крестную смерть Христа за людей, искупление первородного греха, тема которого задана в романе В. Дудинцева цитированием слов змея-искусителя. В сущности, Стригалева предвещает свою судьбу. Предвидя ее, он говорит Дежкину, ставшему его учеником:

«И если я помру <...>. Я и после этого буду жить, и меня уже никто не поймает, и я доведу дело до конца <...>. Потому что меня уже будет не узнать. У меня будет ямка на подбородке, и звать меня будут Федор Иванович Дежкин» (188).

Дежкин продолжит дело Стригалева, через свое страдание сохраняя созданные им сорта.

Одним из ключевых эпизодов романа становится произошедший по воле судьбы июньский заморозок, который открыл пребывавшему в отчаянии Дежкину замысел уже заточенного в тюрьму Стригалева. Вся картошка на огороде погибла, почернела, кроме кустов нового сорта:

«...хромосомы, попав в условия, непригодные для жизни, начинают распадаться» (403).

Но среди поникших и потемневших растений Федор внезапно видит живые кусты, которые символизируют здесь людей, прошедших сквозь страшные испытания, как святой Себастьян, как Стригалева, как облеченные в белые одежды люди, пришедшие «от великой скорби» (54). Жизнь торжествует над смертью.

Интересно, что в поэме Ивана Карамазова о Великом инквизиторе тоже упоминается «откровение» Иоанна Богослова. Но инквизитор упрекает людей, что они «как бы не люди, а боги» [Достоевский; т. 14: 234], возвысившиеся через великие страдания. Он утверждает, что слабые не виноваты в том, что не нашли в себе такой силы. Однако роман В. Дудинцева убеждает: слабые поступают так не из-за слабости, а из древнего желания «жены ближнего, осла его и всякого скота его» (602) (в конце романа автор вновь цитирует Ветхий Завет, чтобы продемонстрировать состояние души чиновника, мешающего испытаниям нового сорта). Зло и беззаконие в романе В. Дудинцева появляется не из-за слабости людей, а из-за их желания прикрыться законническими установлениями, приобрести выгоду:

«...зло <...> обязательно дает доброе обоснование своим пакостям» (214).

Это иллюстрирует пример Вонлярлярского, рассуждающего о том, что он слаб и не может противиться инквизитору, хотя на самом деле он достаточно силен, чтобы попытаться украсть микротом Стригалева.

Пасхальность романа В. Дудинцева проявляется в идее, что страдания и даже смерть не властны над добром, которое готово жертвовать собой. Анализируя «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, И. А. Есаулов отмечает, что для средневекового автора проповеди очевидна «пронизанность всей тварной земли духовной божественной энергией» [Есаулов, 2017: 38]. Она очевидна и для ученых героев романа, исследующих природу. В финальном эпизоде, когда Дежкин убегает, чтобы спасти для народа творение Ивана Ильича, он с удивлением ощущает:

«Природа была заодно с Федором Ивановичем. Потому что, тронувшись в свой тайный путь, он выполнял ее материнскую волю...» (569).

Снегопад скрывает его от чужих глаз, а неожиданное падение с косогора оберегает от злых людей, поджидавших его в Москве. Когда Федор Дежкин проявляет решимость идти до конца, все в его судьбе устраивается так, чтобы помочь ему довершить начатое. Более того, в финальных строках третьей части мы видим, как, будучи без сознания, Дежкин крепко удерживает мешок со спасенным картофелем, преодолевая природные законы и поражая материалистов-врачей:

«— Как интере-есно! — изумился врач. — Без сознания ведь мужик! Не поверят, если рассказать...» (574).

Главная, пасхальная мысль романа находит полное воплощение в эпилоге. Так, в его довольно длинном тексте неоднократно говорится о смерти:

«Это было первое лето после смерти Сталина» (1: 575);
«...первая ваша клетка мертвая <...>. Краска в живых клетках занимает только вакуоль. А в мертвых и ядро. Способ отличить живое от мертвого» (1: 592);

«Он увидел *смерть*, сидевшую в кровати среди подушек» (1: 639);
«Краснов *помер*... Вчера схоронили» (1: 624);

«Так, в атмосфере пустоты, притворства и неразрешимых загадок, академик Рядно прожил еще немало лет <...>. ...среди особенно жаркого лета, постепенно цепenea, он наконец *замер навечно*» (1: 651).

Заканчивается целая эпоха в жизни страны. Умирают герои романа, боровшиеся с добром. Мертвыми оказываются результаты их исследований: от клеток, которые безуспешно пытается изучать предательница Шамкова, до высушенных растений академика Рядно, среди которых он в почти полном одиночестве коротает свои последние месяцы. Но Дудинцев заставляет читателя сопоставить их смерти и смерть настоящих ученых, которых поминают те, кто уцелел среди гонений, а также смерть безымянного солдата, не убежавшего, хотя противники превосходили его по силе. Над прахом этого солдата Борис Порай рассуждает о том, что зло, в том числе инквизиция, рано или поздно отступает перед силами добра, хотя это невозможно объяснить исходя из земных законов. Он делает вывод, что «пока есть живые люди», они «будут страдать» (582), то есть жертвовать собой во имя добра. И в этом проявляется та Благодать, которая стала ключевой категорией русской культуры и словесности.

Главной пасхальной сценой романа становится заключительная сцена эпилога, в которой рассказчик и герои романа, служившие добру: Федор Дежкин, его жена и дети, его соратники Порай и Цвях — собираются за столом, на который подают картошку Ивана Ильича — «белые сияющие шары» (655). Можно отметить, что действие романа начинается в воскресенье, в воскресное утро, и заканчивается в неназванный день, когда, однако, все герои смогли собраться вместе за столом, то есть скорее всего опять-таки в воскресенье. Во время встречи звучат проникновенные слова о черном хлебе, который «создан судьбой» (657), и о картошке: «Сие есть плоть моя» (658). Это слова Христа о хлебе, который Он на последней перед крестными страданиями трапезе подал ученикам, даровав им Таинство Причащения. Здесь белая плоть картошки символизирует Тело Христово,

отданное на муки за людей, и подлинное счастье, о котором персонаж романа говорит:

«Счастье — в тебе. Когда положишь свою плоть, чтоб напитать ближних...» (658).

Герои романа и рассказчик, который носит ту же фамилию, что и автор романа, ликуя, едят белоснежную картошку, у которой необыкновенный вкус и которая символизирует собой своего рода Причастие. Говоря о премудро устроившей все природе, человек XX в. по сути говорит о Боге, даровавшем людям вечную жизнь, благодаря которой кончина ученого Стригалева и полковника Свешникова в тюремных застенках воспринимается не как трагическая безысходность, а как утверждение добра и Благодати, которой они по мере своих сил послужили. Смертная телесность («И вспоминаешь чьи-то глаза. Чью-то остывающую руку» — 658) переходит в воскресение, в духовное бытие.

Таким образом, в романе В. Дудинцева проявляется характеристика Благодати, обозначенная еще митрополитом Иларионом, — Благодать, служащая будущему веку. Здесь жизнь торжествует над смертью не только как биологическое существование, но как добро, задающее вектор духовного развития человека и переводящее наши поступки в духовное измерение. Поэтому на столе появляется именно «белое искрящееся яблоко» (657) картошки, воспринимаемое не как запретный плод, отведав который «люди станут как боги», а как благословенный дар.

Исследуя текст пушкинской оды «Я памятник себе воздвиг...», И. А. Есаулов привлекает внимание читателя к тому, что она представляет собой единственный парафраз Горация, где появляется слово «душа» [Есаулов, 2021: 62]. В эпилоге романа В. Дудинцева тоже звучит это слово, когда Василий Цвях цитирует стихотворение А. Блока. Он говорит о бесконечной «гонке за счастьем» (656), на которую обрек свою душу академик Рядно. Цвях, отрицавший в начале романа веру, в финале вдруг говорит о душе, утверждая: не всякая душа обрекает себя на бессмысленную погоню в пустой, то есть лишенной присутствия Бога, вселенной. Счастье, осмысленность жизни, наполненность ее Божьим присутствием, по мысли Цвяха,

зависит от самого человека и его выбора. «Мир нам дан такой, какой он есть. Ни прибавить, ни убавить» (658), — рассуждает Цвях, и его слова представляют собой признание Бога, давшего человеку все, что тому необходимо. Разговор о душе и цели ее существования показывает: овнешнение, о котором шла речь в начале романа, побеждено, герои двинулись по пути обретения души и осмысления ее развития.

Роман В. Дудинцева «Белые одежды», таким образом, продолжает и развивает традиции отечественной литературы, воплощая свойственные ей архетипы — прежде всего пасхальность как победу над смертью и грехом, наполняющую жизнь человека смыслом. Через отказ от мертвящих законнических установок и в равной мере от устремленного к достижению всевозможных выгод Беззакония человек приходит к Благодати, связанной со свободой человека, дарованной ему Богом. Это свобода сознательно принять созданный Богом мир, который изучают герои текста, принять травму страдания за ближнего, о которой герой романа говорит: «Ну что бы была у меня за жизнь без этой травмы?» (658). Как и лучшие произведения классической русской литературы, пасхальный роман В. Дудинцева становится своеобразным ответом на вечные вопросы о мироустройстве.

Список литературы

1. Аракчаа А. Б. О. Лексика со значением света в романе В. Дудинцева «Белые одежды» // Вестник Тувинского государственного университета. № 1: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 1 (72). С. 44–50 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46233665_22511727.pdf (10.05.2025). DOI: 10.24411/2221-0458-2021-72-44-50. EDN: LCPPHK
2. Астафьева О. А. Стилистические функции парцеллированных конструкций в романе В. Д. Дудинцева «Белые одежды» // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Сер.: Филология, лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. Т. 2. С. 5–9. EDN: RKPNDW
3. Гачев Г. Арсенал доброй воли // Дудинцев В. Д. Белые одежды. М.: Книжная палата, 1988. С. 676–687.
4. Долгополова М. В. Смысловое пространство «Добро/Зло» в романе Владимира Дудинцева «Белые одежды» // Молодой ученый. 2015. № 15 (95). С. 673–674 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/95/21332> (10.05.2025). EDN: UCRMUN
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

6. Есаулов И. А. Человек-вещь и христианское сознание // Есаулов И. А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. М.: Академика, 2015. С. 445–458.
7. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 550 с.
8. Есаулов И. А. Каменноостровский цикл А. С. Пушкина как пасхальный текст: мимесис, парафрасис, катарсис (Статья вторая) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 2. С. 56–80 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230637.pdf (10.05.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9602
9. Иваньшина Е. А., Пригункова Э. Э. Структура хронотопа в романе В. Д. Дудинцева «Белые одежды» // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания: мат-лы Всерос. науч.-практ. форума. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2024. С. 128–132 [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_69188163_89851052.pdf (10.05.2025). EDN: QAXLYR
10. Изотов К. С. Этапы анализа дискурсивной лексической единицы (на материале романа В. Д. Дудинцева «Белые одежды») // В поисках смыслов...: сб. ст. ежегодной осенней студенческой конференции / сост. и отв. ред. М. В. Захарова. М.: МПГУ, 2024. С. 325–334 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_66181635_81498696.pdf (10.05.2025). EDN: RKDGFV
11. Кудрявцева А. А. Христианские мотивы в романе Владимира Дудинцева «Белые одежды» // Наука в мегаполисе. 2020. № 8 (24). С. 13.
12. Кудрявцева А. А. Творческая история романа Владимира Дудинцева «Белые одежды» // Наука в мегаполисе. 2022. № 3 (38). С. 6.
13. Лихварь А. В. Библейские отсылки в романе В. Дудинцева «Белые одежды» // Духовно-нравственные аспекты современного гуманитарного знания: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. молодых ученых / под общ. ред. М. И. Непочатовой. М.: МПГУ, 2022. С. 98–103.
14. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры / подгот. текста Т. Д. Кузовкиной при участии О. И. Утгоф. Таллинн: TLU Press, 2010. 232 с.
15. Мартыанова С. А. Библейские образы в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»: история вопроса и перспективы изучения // Евангельский текст в русской словесности: сб. тезисов докладов X Всерос. науч. конф. (с междунар. участием) / отв. ред. И. С. Андрианова. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2020. С. 332–334.
16. Синелева А. В. Специальная лексика в романе В. Дудинцева «Белые одежды» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 193–199.
17. Старцева К. А. Интертекстуальный пласт романа В. Дудинцева «Белые одежды» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 102–106 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17422069_70748574.pdf (10.05.2025).

References

1. Arakchaa A. B. Lexis with the Meaning of Light in Novel “White Garments” by V. Dudintsev. In: *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1: Sotsial’nye i gumanitarnye nauki* [Vestnik of Tuva State University. Issue 1: Social Sciences and Humanities], 2021, no. 1 (72), pp. 44–50. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_46233665_22511727.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.24411/2221-0458-2021-72-44-50. EDN: LCPPHK (In Russ.)
2. Astaf’eva O. A. The Stylistic Function of Parsel Constructions in the Novel by V. D. Dudintsev “White Garments”. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Ser.: Filologiya, lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Moscow State Region Humanitarian Institute. Ser.: Philology, Linguistics and Intercultural Communication], 2014, vol. 2, no. 2, pp. 5–9. Available at: https://vestnikgggu.ru/wp-content/uploads/2016/11/filling_2_2014.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: RKPND (In Russ.)
3. Gachev G. Arsenal of Goodwill. In: *Dudintsev V. D. Belye odezhdy* [Dudintsev V. D. White Garments]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1988, pp. 676–687. (In Russ.)
4. Dolgopolova M. V. The Semantic Space of “Good/Evil” in Vladimir Dudintsev’s Novel “White Garments”. In: *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2015, no. 15 (95), pp. 673–674. Available at: <https://moluch.ru/archive/95/21332> (accessed on May 10, 2025). EDN: UCRMUN (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. Man-Thing and Christian Consciousness. In: *Esaulov I. A. Postsovetskie mifologii: struktury povsednevnosti* [Esaulov I. A. Post-Soviet Mythologies: Structures of Everyday Life]. Moscow, Akademika Publ., 2015, pp. 445–458. (In Russ.)
7. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [Russian Classics: a New Understanding]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. Kamennostrovsky Cycle of Alexander Pushkin as Easter Text: Mimesis, Paraphrasis, Catharsis. Article 2. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 56–80. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1620230637.pdf (accessed on May 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9602. EDN: YKXNQZ (In Russ.)
9. Ivan’shina E. A., Prigunkova E. E. The Structure of the Chronotope in V. D. Dudintsev’s Novel “White Garments”. In: *Aktual’nye problemy sotsial’no-gumanitarnykh nauk i metodiki ikh prepodavaniya: materialy Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo foruma* [Actual Problems of Social and Humanitarian Sciences and Methods of Their Teaching: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Forum]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2024, pp. 128–132. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_69188163_89851052.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: QAXLYR (In Russ.)
10. Izotov K. S. Stages of Analysis of a Discursive Lexical Unit (Based on the Novel by V. D. Dudintsev “White Garments”). In: *V poiskakh smyslov...*

- sbornik nauchnykh statey ezhegodnoy osenney studencheskoy nauchnoy konferentsii [In Search of Meaning...: a Collection of Scientific Articles of the Annual Autumn Student Scientific Conference]*. Moscow, The Moscow City University Publ., 2024, pp. 325–334. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_66181635_81498696.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: RKDGFV (In Russ.)
11. Kudryavtseva A. A. Christian Motifs in Vladimir Dudintsev's Novel "White Garments". In: *Nauka v megapolise [Science in a Megapolis]*, 2020, no. 8 (24), p. 13. Available at: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-24/russian-literature-context/christian-motives.html> (accessed on May 10, 2025). EDN: YHGCWC (In Russ.)
 12. Kudryavtseva A. A. A Creative History of Vladimir Dudintsev's Novel "White Garments". In: *Nauka v megapolise [Science in a Megapolis]*, 2022, no. 3 (38), p. 6. Available at: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-38/putting-thought-into/creative-history.html> (accessed on May 10, 2025). EDN: DLAODK (In Russ.)
 13. Likhvar' A. V. References to Bible in Vladimir Dudintsev's Novel "White Garments". In: *Dukhovno-nravstvennye aspekty sovremennogo gumanitarnogo znaniya: materialy mezhdunarodskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh [Spiritual and Moral Aspects of Modern Humanitarian Knowledge: Materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference of Young Scientists]*. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2022, pp. 98–103. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_49872272_97958962.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: YVUZKG (In Russ.)
 14. Lotman Yu. M. *Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury [Unpredictable Mechanisms of Culture]*. Tallinn, Tallinn University Press Publ., 2010. 232 p. (In Russ.)
 15. Mart'yanova S. A. Biblical Images in A. I. Solzhenitsyn's Short Novel "Cancer Ward": History of the Issue and Prospects of Study. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy slovesnosti: sbornik tezisov dokladov X Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [The Gospel Text in Russian Literature: a Collection of Abstracts of Reports of the 10th All-Russian Scientific Conference (with International Participation)]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2020, pp. 332–334. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_44008466_85332925.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: PCMFDM (In Russ.)
 16. Sineleva A. V. Special Vocabulary in V. Dudintsev's Novel "White Garments". In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]*, 2020, no. 1, pp. 193–199. Available at: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2020_-_1_unicode/27.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: QDNLNO (In Russ.)
 17. Startseva K. A. The Intertextual Stratum of V. Dudintsev's Novel "White Clothes". In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University: Ser.: Humanitarian and Social Sciences]*, 2011, no. 5, pp. 102–106. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17422069_49367806.pdf (accessed on May 10, 2025). EDN: ORGKXT (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шурупова Ольга Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семёнова-Тянь-Шанского (ул. Ленина, 42, г. Липецк, Российская Федерация, 398020); ведущий научный сотрудник, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ул. Интернациональная, 3, г. Липецк, Российская Федерация, 398002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6987-9883>; e-mail: shurupova2011@mail.ru.

Olga S. Shurupova, PhD (Philology), Associate Professor, Professor of the English Language Department, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (ul. Lenina 42, Lipetsk, 398020, Russian Federation); Leading Researcher, Lipetsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (ul. Internatsional'naya 3, Lipetsk, 398002, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6987-9883>; e-mail: shurupova2011@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.07.2025

Принята к публикации / Accepted 25.07.2025

Дата публикации / Date of publication 08.09.2025